

СИНТЕЗ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Макалада Борбордук Азиядагы отурукташкан жана көчмөн калктын ортосундагы көптөгөн кылымдар бою өз ара байланыштар менен таасир этүүлөрдүн үзгүлтүксүздүгү каралган.

В статье рассматривается непрерывность взаимосвязей и взаимовлияний на протяжении многих веков между оседлыми и кочевыми населением Центральной Азии.

The article describes continuity of interrelation and interaction for many centuries between the sedentary and nomadic populations in Central Asia.

На обширной территории Центральной Азии (Согд, Бактрия, Маргиана и др.) базисным генетическим фактором оседлоземледельческих оазисов с городским образом жизни является преемственность и традиционализм, истоки которых начинаются ещё в эпоху неолита, затем бронзы и раннежелезного века. Эти же особенности были характерны и для степного образа жизни и номадизма. Важным моментом поступательного развития в обеих формах жизни является творческое взаимодействие культур и цивилизаций. Некоторые моменты творческих контактов степного и городского(скорее всего, протогородского) образов жизни демонстрируется, например, кайракумской и ошской культурами.

В целом, вопрос о взаимодействии кочевого мира и оседлых цивилизаций представляет особую проблему. Довольно широко распространено суждение об отрицательном воздействии кочевого мира на районы оседлой жизни. Например, доктор искусствоведения, архитектор С. Хмельницкий из Германии особо подчеркивает: «Несчастьем, если не проклятием средневековой цивилизации Средней Азии, было сосуществование двух недружественных укладов – кочевого и оседлого»¹. Действительно, как пишет В. М. Массон, «...в военных столкновениях и набегах были и потери, и разрушения, за исключением, пожалуй, монгол-чингизхановской эпохи, в военную доктрину которых входила стратегия устрашения. Это все было в пределах обычных военных противостояний»². Как показывают среднеазиатские материалы, более всего имело место постепенное проникновение групп населения из кочевого мира и соответственное развитие контактов и взаимодействий с оседлыми оазисами. Эти контакты были мирными и военными. Уже в эпоху бронзового века племена степной бронзы (например, кайракумская культура на территории Таджикистана) на протяжении нескольких столетий постепенно продвигаются в Среднюю Азию, достигая границ урбанизированных городских поселений северной Индии и восточного Ирана, постепенно растворяясь в составе городского населения путем культурной ассимиляции и играя огромную роль в развитии цивилизованных обществ Бактрии, Согда, Парфии и др.

Наиболее показательным в синтезе культур кочевого мира и оседлого населения на территории Центральной Азии является эпоха создания могущественной империи Кушан на рубеже тысячелетий. Здесь имеется в виду одно из уникальных памятников на территории Северного Афганистана – некрополь Тилля-тепе, раскопанный и изученный

¹ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и монголами (исторический фон). // Мероси ниёгон, 1999. – Душанбе, вып. 4, с. 11.

² Массон В.М. Степной образ жизни и номадизм как исторический феномен// Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3. – Бишкек: Изд. «Мурас», 2000. – С. 20.

Советско-Афганской археологической экспедицией под руководством известного московского археолога В.И.Сарианиди в 1970-х годах. Уникальность этого памятника состоит в том, что здесь в шести могильниках обнаружены нетронутые богатые княжеские захоронения бактрийцев³.

Необходимо отметить, что было и влияние кочевников на оседлых земледельцев. Наиболее веским доказательством этому утверждению является форма ножен – с четырьмя выступающими боковыми лопастями. Как известно, у скифов были распространены совершенно иные по форме ножны – с одной боковой лопастью для подвешивания к поясу. Однако в горном Алтае были раскопаны скифские курганы, среди находок которых были кинжалы в деревянных ножнах с четырьмя выступающими лопастями. Поскольку алтайские образцы на несколько столетий древнее бактрийских, то становится очевидным, что честь изобретения подобных ножен принадлежит местным алтайским племенам. Постепенно этот тип ножен распространяется по всему скифскому миру, а позднее перенимается сарматскими племенами. Изображения этого типа кинжалов на каменных рельефах из Малой Азии красноречиво свидетельствуют о широком распространении скифского оружия от границ Алтая и Монголии вплоть до Афганистана и Турции.

Изображение на литой золотой пластине арочной формы, найденной рядом с кинжалом из четвертого захоронения некрополя Тилля-тепе (сцена терзания антилопы барсом или антилопой), является распространенным и популярным мотивом скифского звериного стиля – хищник, нередко крылатый, терзает мирное парнокопытное животное (например, золотые пластины из скифских курганов)⁴.

На сибирско-алтайские традиции указывает и арочная форма пластины, нигде пока более не известная, кроме Алтая. Именно там, в одном из могильных курганов, археологам удалось обнаружить бронзовую ажурную пряжку точно такой же арочной формы с изображением оленя, которого терзает крылатый зверь⁵. При чрезвычайно широком распространении мотива терзания хищником своей жертвы, как замечает В.И.Сарианиди, специфическая форма пластины из Тилля-тепе – убедительное доказательство ее сибирско-алтайского, а не переднеазиатского происхождения.

Наибольшую художественную и научную ценность представляют золотые ножны кинжала. Она украшена рельефным изображением двух фантастических существ, одно из которых терзает другого. А на боковых лопастях ножен изображены великолепные головы муфлонов, до сих пор обитающих в отрогах Гиндукуша. По утверждению автора часто упоминаемой нами книги, до сих пор среди погребальных приношений Тилля-тепе не было встречено изделия, которое бы так четко, как золотые ножны, обнаруживало смешение разных стилей и культурных веяний⁶. Так, мотив терзающих друг друга фантастических зверей, орнаменты с традиционной индийской символикой в виде цепочки свастики впервые являют совершенно новое направление в развитии эллинистического искусства.

На этом фоне убедительными выглядят аналогии из Пузырыкских курганов – резные деревянные накладки от конской сбруи в виде рельефных фигурок барсов, туловища которых показаны сверху, а ноги в профиль. С учетом примера дракона с других ножен, такой художественный прием известен в скифо-сарматском искусстве. В композиции же на ножнах из четвертого погребения налицо уже не простая схожесть, а идентичность иконографического образа.

³ Сарианиди В.И. Бактрия сквозь мглу веков. /Предисловие А.Д.Давыдова и Б.А.Литвинского. – М.: Изд. «Мысль», 1984. – 159 с., ил.; Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. – М.: Наука, 1983. – 159 с., ил.

⁴ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. – М.- Прага, 1966, табл. 116) или аппликации Пузырыкских курганов Алтая (С.И.Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. – М., 1961, рис. 42).

⁵ Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. - рис. 157-160.

⁶ Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей, указ. соч., с. 92.

Таким образом, находки в некрополе Тилля-тепе впервые демонстрируют масштабы смешения переднеазиатских и сибирско-сарматских стилей и культурных традиций, что в конечном счете и определяет сущность эллинистической культуры на Востоке. Но это не эклектика, не механическое смешение разных стилей, а органическая взаимосвязь, имеющая длительную историю развития.

Как отмечает В.И.Сарианиди, в четвертой могиле Тилля-тепе умерший был похоронен с соблюдением всех традиционных кочевнических обрядов (наличие в могиле рядом с умершим уздечка, т.е. символическое захоронение коня, фаларов и др.), что указывает на его происхождение из кочевой среды, хотя уже, возможно, во втором-третьем поколении. Помимо всего, основной набор вооружения и конского снаряжения, обнаруженный в четвертой могиле, связан с миром кочевников и выполнен в лучших традициях скифо-сарматского звериного стиля.

Кочевой мир и оседлое население традиционно земледельческих центров издревле находились во взаимодействии. По представлению греко-римских историков, подтверждающемуся археологическими материалами, на бескрайних степных просторах от Каспийского и Аральского морей до среднего течения Сырдарьи обитали многочисленные кочевые народы, которых они именовали общим названием «скифы». Среди скифов различали саков и массагетов, которые, в свою очередь, подразделялись на ряд относительно более мелких племенных союзов.

Завоевание Бактрии кочевыми племенами - юэчжами привело к созданию совершенно нового направления в античном искусстве этой страны. Широкая веротерпимость завоевателей-юэчжей по отношению к покоренным народам определила смешение самых различных религиозно-мифологических систем, о чем убедительно свидетельствуют материалы раскопок Тилля-тепе. Если ранее считали, что культура кушанского общества – продукт смешения преимущественно греко-римских, восточноиранских и индийских художественных традиций, то материалы Тилля-тепе обнаружили совершенно новый бактрийский источник, уходящий корнями в прикладное искусство Бактрии эпохи бронзы (крылатые богини местного бактрийского пантеона, сидящие верхом на животных, - сравни Кибела, сидящая на льве; корона, украшенная пальметками с изображением «древа жизни», с птичками, - имеют прототипы в бактрийской глиптике). Эти наблюдения В.И.Сарианиди выделяют Бактрию в один из центров сложения скифо-сарматского искусства.

Первые кушанские цари рисуются нам как люди, почти полностью порвавшие с кочевыми традициями. Лишь коническая форма холма Тилля-тепе, напоминающая своим профилем курганы, да культовые детали лошадей – дань вековым погребальным кочевническим традициям. Во всем остальном юэчжи восприняли местные традиции.

Подобные процессы происходили в первые века нашей эры и в Фергане и Среднеазиатском Междуречье, на территории которых чуть позднее начал формироваться таджикский народ. Ферганская долина (западная часть этой долины сейчас занята северными районами Республики Таджикистан) относится к региону, где цивилизация возникла на почве синтеза оседло-земледельческого и кочево-скотоводческого хозяйствования. Как пишет кыргызский ученый Т. Кененсариев, издревле здесь политическая сила и меньшая часть экономики была в руках кочевников, а экономическое богатство было в руках оседлых народов. Именно в связи с этим обстоятельством испокон веков в Фергане балансировались и давали возможность синтеза двух типов жизни: оседло-земледельческого и кочево-скотоводческого, которые взаимно дополняли друга. В итоге, как далее продолжает ученый, был «создан уникальный Ферганский вариант сожителства двух типов общности людей, существование одного без другого было практически невозможно»⁷.

⁷ Кененсариев Т. Истоки взаимодействия кочевых и оседлых традиций Ферганской долины и историческая перспектива // Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3. – Бишкек: Изд. «Мурас», 2000, с.21.

Ярким примером взаимодействия наиболее ранних цивилизаций Ферганской долины является культура степной бронзы (вторая половина II – I тыс. до н.э.), к которому относят упомянутый древние Кайракумы Северного Таджикистана и поселение на южном склоне Сулейман-Тоо⁸. На основе миграционных процессов кочевых племен на севере Средней Азии, в частности, на юге Казахстана и Семиречья, как отмечает К. М. Байпаков, сложилась синкретическая культура, которая интегрировала в себе культурные достижения Согда и традиции земледельческо-скотоводческих культур каунчинского облика, т.е. саков, которые ещё в раннем средневековье говорили на одном из диалектов согдийского языка и их религия была схожа с согдийской⁹. Правда, не всегда единство культурных явлений на названных территориях можно объяснить только взаимовлиянием. Например, сходство образов и сюжетов в народном искусстве у различных народов индоевропейских племен объясняется частично, как пишет Л. И. Ремпель, «...общностью психологических побуждений, то есть сходством процессов отражения природы в сознании людей»¹⁰. Поэтому подчас очень трудно выделить истоки возникновения культурных традиций даже у народов, в прошлом тесно соприкасавшихся территориально.

Однако типологические сходства в архитектуре, градостроительстве и контактные связи искусства Средней Азии, в частности, исторических Таджикистана и Кыргызстана, отражают международные культурные взаимосвязи, начиная с эпохи древности. Форм международных контактов было несколько. К ним относятся и торговые связи, осуществляющиеся по сухопутным торговым трассам, например, Великому Шелковому пути (названный так в IV в.н.э. римским историком Аммианом Марцеллином в двадцать третьей книге его «Истории»). Как свидетельствуют исследования ученых, этот путь начал функционировать ещё в IV в. до н.э.¹¹. Причем, ВШП был не просто сетью дорог, с ним были связаны сложные военно-политические события, дипломатические отношения различных государств и этносов, культурные контакты многочисленных племен, находившихся на периферии развитых цивилизаций Востока. В результате активного обмена культурными ценностями происходило творческое обогащение народов. Например, в X в. при посредничестве Саманидов в торговых отношениях между Китаем, Арабским Халифатом и Византией одним из крупных караванных путей, проложенный через Хоросан и Мавераннахр, была дорога, которая проходила через Багдад, Хамадан, Нишапур, Мерв, Амударью, Бухару, Самарканд, Уструшану, Чач, Тараз, Баласагун и Иссык-Куль¹².

Анализ широкого круга материалов архитектурного, градостроительного, изобразительного, бытового и другого характера, обнаруженных на территории исторических Таджикистана и Кыргызстана, ограниченные ныне государственными границами Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, указывает на

⁸ Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош. – Фрунзе: Изд. «Илим», 1987. С. 9-122; Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. – Бишкек: Изд. «Мурас», 1997; Заднепровский Ю.А., Бушков В.И., Сулейманов Э.Ж., Насиров Т.А. Новые исследования на Ошском поселении эпохи бронзы // Ош и Фергана: археология, Новое время, культурогенез, этногенез. Вып. 4. – Бишкек: Мурас, 2000, с. 76-77; История таджикского народа, т. 1. Древнейшая и древняя история. /Под редак. Б.А.Литвинского и В.А.Ранова. – Душанбе: АН РТ, 1998. - С.151-153 и др.

⁹ Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI- начало XIII вв.)- Алма-Ата, 1986. - С. 48-63.

¹⁰ Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент: Издат. литер. и искусства, 1987.

¹¹ Воропаева В.А., Горячева В.Д. Великий Шелковый путь и культурные взаимосвязи Тянь-Шаня и Ферганы // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. – Бишкек, 1998. - С. 34-39; Негматов Н.Н. Концепция истории и реалии Великого Шелкового пути // Центральназиатские гуманитарные исследования. Вып. 2. – Худжанд, 1998. - С. 93-113; и др.

¹² История таджикского народа. Т. 2. /Под редак. Н.Н.Негматова. – Душанбе: АН РТ, 1999. - С. 384-392.

разносторонние международные культурные взаимосвязи начиная с эпохи древности¹³. Они были отчасти вызваны устойчивой государственностью Согда, в состав которого в различные исторические периоды входили историко-культурные области Уструшана, Фергана, Чач, Худжанд и др.

В X-XI вв., в период создания и существования Караханидского каганата, большого развития получили миграционные процессы. Если с запада на восток, как пишет кыргызский ученый З.Э.Эралиев, миграции носили характер мирного экономического и культурного проникновения оседлого ираноязычного населения западных регионов Средней Азии в тюркоязычную среду Кыргызстана и Восточного Туркестана, то миграции на запад были связаны, в основном, с военными и захватническими мероприятиями первых Караханидов и имели характер массовых вторжений тюркских кочевых племен¹⁴.

Так, в XI в. Махмуд Кашгари писал, что люди, поселившиеся в Баласагунае, «они из того Согда, что между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду тюрков», и что «жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски, таким же образом жители Тараза и Беловогограда, т.е. Исфаджаба»¹⁵. Как замечает З. Э. Эралиев, если тюрки и подвергались в какой-то мере иранизации, то эта была, главным образом, феодальная верхушка, попадавшая под обаяние арабо-иранской культуры, перенимавшая образ жизни и обычаи ираноязычной знати¹⁶.

Особенно плодотворными в караханидский период были культурные связи народов Кыргызстана и других регионов Средней Азии. В XI-XIII вв., по утверждению З. Э. Эралиева, «шел процесс взаимовлияния и взаимообогащения тюркской и иранской культуры, причем в беспрецедентных масштабах... Происходили параллельные и связанные между собой процессы становления средневековой тюркской и дальнейшего развития ирано-язычной литературы, взаимообогащения тюркского и таджикского языков»¹⁷. В раннем средневековье в целом формирование городских поселений в Семиречье шло конструктивно в общем русле развития Мавераннахра, особенно Согда и Уструшаны. Так, А. Н. Бернштам отмечает полную аналогию в сложении городов Чуйской и Таласской долин со схемой развития городов, предложенной А. Ю. Якубовским на основе изучения городских поселений Мавераннахра: цитадель, шахристан, рабад¹⁸. В Южном Кыргызстане, входившем в древности в состав Ферганы, города состояли из угловой цитадели и шахристана, обнесенного стенами с башнями на углах и посередине. Рабады также обносились стенами с башнями на расстоянии 50-100 м¹⁹.

Аналогии в сложении городов Мавераннахра и Чуйской и Таласской долин ученые (В.В.Бартольд, А.Н.Бернштам, Б.Г.Гафуров, Н.Н.Негматов и др.) связывают непосредственно с переселенцами в Семиречье жителей Согда²⁰. Колонизационная деятельность согдийцев в Семиречье, связанная с торгово-экономическими и

¹³ Муксинов Р.М. Архитектура Кыргызстана XVII- начала XX вв. – Автореф. дисс...докт. архитектуры. – М., 1995. - С. 13; Перегудова С.Я. История развития градостроительства и архитектуры Чуйской долины в средние века. – Автореф. дисс...канд. истор. наук. – Алма-Ата, 1992. - С. 4; и др.

¹⁴ Эралиев З.Э. Специфика взаимоотношений кочевого и оседлого населения Караханидского каганата // Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3. – Бишкек: Изд. «Мурас», 2000. - С. 26.

¹⁵ Бартольд В.В. Таджики. - Соч., т. 1, кн. 2. - М., 1963. - С. 454-455.

¹⁶ Эралиев. Специфика взаимоотношений кочевого и оседлого населения Караханидского каганата, указ. соч., с. 26.

¹⁷ З.Э.Эралиев З.Э. Специфика взаимоотношений кочевого и оседлого населения Караханидского каганата, указ. соч., с.28.

¹⁸ Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. – Алма-Ата, 1941. - С. 34-43.

¹⁹ Нусов А. Архитектура Киргизии..., указ. соч., с. 6.

²⁰ Бартольд В.В. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран, т. 1. – Л., 1926. - С. 32-41; Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья // КСИИМК, 1940- М.-Л -, Вып. 6. - С. 34-43; Гафуров Б.Г. Таджики, указ. соч., с. 260-261; История таджикского народа, т. 2, указ. соч., с. 188-189; и др.

политическими процессами согдийского общества, протекала двумя этапами: первый этап относился к III-V вв., а второй – происходил с VII в. в связи с арабским завоеванием и походами Саманидов. Здесь привнесенная ими оседлая, земледельческая культура столкнулась с культурой кочевников-тюрков, что явилось основанием для создания оригинальной местной культуры.

Мавераннахрские и, особенно, согдийско-уструшанские традиции проявляются не только в сходстве градостроительного искусства, но и в гражданском строительстве. В частности, они проявляются при рассмотрении трех жилых домов в Краснореченском городище – в домах 1, 3 и 8, раскопанные П. Н. Кожемяко ещё в 1960-х годах²¹. Общим для всех этих домов является наличие центрального распределительного зала, вокруг которого по периметру располагались помещения жилого и хозяйственного назначения. Принципиально подобную структуру имеет многокомнатный жилой дом в ансамбле каменных построек IX-XI вв. Чильдухтарон в селении Шахристан Согдийской области Республики Таджикистан. Этот семикомнатный дом центрального типа с центральным квадратным залом с расположенными вокруг него помещениями жилого назначения. Причем, здесь имеется и подобная краснореченским домам центральный входной вестибюль, ведущий в распределительное парадное помещение²².

Результатом взаимовлияния культур можно объяснить достаточно близкую аналогию относительно недавно изученному памятнику XI-XII вв. в городе Оше – общественной бане. Она была раскопана у восточного подножия Сулейман-Тоо в Оше археологами Е.Б.Дружининой и Ю.А.Заднепровским и опубликована Б.Э.Аманбаевой в 1998 году²³. Близкую по времени функционирования и назначению планировочную структуру имеет многокомнатный комплекс лечебно-профилактического и фармакологического назначения, раскопанный в 1999 году в центре города Худжанда и предварительно описанный в этом же году Н.Н.Негматовым и профессором С.Ш.Марофиевым, руководителями раскопок. В этом новооткрытом памятнике XI-XII вв. мы видим не только подпольные жаровые каналы, но и небольшие, иногда миниатюрные резервуары и ванны для различного лечения больных²⁴.

Сравнение композиционной структуры обеих банных комплексов в Оше и Худжанде позволяет некоторым образом дополнить и уточнить ошскую баню не только как чисто гигиеническое учреждение, но и лечебно-профилактическое и фитотерапевтическое сооружение с широким набором медицинских услуг, в том числе и аптеку.

Говоря о Бухарском оазисе и его взаимосвязях с кочевым населением, следует сказать, что Бухара в древние и средневековые века была крупным центром международной торговли, и она могла успешно соперничать с Ургенчем, Самаркандом, Кашгаром и другими известными тогда городами Мавераннахра. Ещё в период Тюркского каганата торговля составляла одно из важных занятий населения Бухарского оазиса. С VI в., когда торговые пути передвинулись с юга на север в связи с переходом роли торговых посредников к согдийцам, интенсивность караванной торговли на этом отрезке Великого Шелкового пути значительно возросла. О территориальном размахе торговых связей Тюркского каганата с ближними и дальними странами в этот период свидетельствует перечень даров местного владельца китайскому императору в VII в., в котором имелись, например, собачки византийской породы и меха черно-бурых лисиц.

²¹ Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Кыргызстана. – Фрунзе, 1967. – С. 55,57, 85, рис. 2, 11, 16.

²² Негматов Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане (1970 г.) Вып. X. – М.: Наука, 1973. – С. 79.

²³ Аманбаева Б.Э. Средневековая баня в Оше (предварительные итоги изучения) // Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. – Бишкек, 1998. – С. 44-45, ил.

²⁴ Мукумова С., Мирбабаев А. Медицинские учреждения в архитектуре Центральной Азии средних веков. – Душанбе: Мерос, 2001. – С. 20-22, рис.

Торговые караваны постоянно курсировали по согдийско-ферганскому отрезку ВШП. Так, в 627 году по 647 год из Зеравшанской долины в Китай было отправлено более десяти торговых караванов²⁵. Несмотря на то, что в каганате не было единой централизованной власти, независимые владетели ряда областей объединяли усилия в торговой сфере. Так, в 627 году в Китай прибыло торговое посольство, снаряженное сообщами правителями Бухары, Самарканда, Иштыхана, Харканы и Уструшаны. Как подчеркивает К.Байпаков, ученый из Казахстана, ВШП способствовал интеграции кочевой и оседлой культур, именно по нему быстро распространялись эталоны урбанизированной культуры²⁶.

В своей докторской диссертации Р.М.Муксинов приводит пример взаимовлияния строительно-художественных традиций Кыргызстана и Таджикистана в виде балочного перекрытия в устройстве световых брусчатых фонарей, распространенных в более ранний период на обширной территории всего Востока²⁷. Примером взаимовлияния традиций можно назвать и глиняные столики для еды – «дастарханы» Чуйской долины и Уструшаны и Согда. Так, круглые столики, имевшие массивную площадку и три конусовидных ножки обнаружены Г. А. Брыкиной и в Карабулаке²⁸. Самаркандские дастарханы из обожженной глины выполнены с круглой чашевидной подставкой²⁹. Столики –дастарханы изображены и в живописи древнего Пенджикента.

Вышеприведенные примеры можно было продолжить и в других сферах творчества. Однако вывод будет один – взаимосвязи и взаимовлияния между оседлым и кочевым населением Центральной Азии не прерывались на протяжении многих веков и эпох и эти традиции дожили без изменения до XX века включительно.

²⁵ Касымов Ф.Х. Бухара и Фергана на Великом Шелковом пути // Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3. – Бишкек: Мураc, 2000. - С. 5.

²⁶ Байпаков К. Средневековые города Ош, Отрар, Янги, Алматы на Великом Шелковом пути // Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3. – Бишкек: Мураc, 2000. - С. 6-10.

²⁷ Муксинов Р.М. Архитектура Кыргызстана XVII-начала XX вв. – Автореф. дисс...докт. архитектуры. – М., 1995. - С. 15.

²⁸ Брыкина Г.А. Карабулак. – М.: Наука, 1974. - С. 98, рис. 64.

²⁹ Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии. // Советская этнография. - 1963. – М. - Вып. 6. - С. 95.